

А.Л. ПОПОВА

Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX века

Судебная реформа 1864 года имела большое значение не только для развития правоохранительной системы в России. Она весьма существенно повлияла на становление новых общественных отношений и общественного сознания. В отечественной историографии эта реформа является весьма популярным сюжетом. Однако ученые в первую очередь изучали историю ее подготовки, подробно анализировали сами Судебные уставы, освещали также попытки ограничить реформу [Виленский, 1969; Литвак, 1991; Ляшенко, 1994]. Общественное значение преобразований рассмотрено слабо, в основном историки ограничивались констатацией факта, что в ходе реализации реформ усиливалось уважение граждан к законам.

Некоторые интересные наблюдения о правосознании российских обывателей второй половины XIX века сделаны зарубежными исследователями [Saunder, 1990; Wortman, 1976]. В частности, следует отметить публикации американского ученого С. Френка, написанные на материалах российских центральных и провинциальных архивов. Однако им практически не затронута эволюция общественного сознания под влиянием судебной реформы 1864 года [Frenk, 1990; 1996].

Таким образом, в целом, значение судебной реформы для развития общества и его самосознания изучено слабо. Представляется интересным уточнить, каким образом ее проведение повлияло на развитие социальных отношений, что изменилось во взаимоотношениях российских обывателей и государства. В условиях проведения современной судебной реформы эта тема не может быть неактуальной. Новая реформа должна не только усовершенствовать отечественную правоохранительную систему, * но и повлиять на социальные отношения, помочь построить гражданское общество, повысить правовую культуру российских граждан.

Одним из самых важных изменений, вызванных судебной реформой 1864 года, был рост уважения к закону, что в свою очередь способствовало гуманизации общественных отношений. Неотъемлемым признаком гражданского общества и гражданского правосознания являются равные для всех возможности защищать свое достоинство, физическую неприкосновенность, частную жизнь. Невозможно говорить о гражданском обществе, когда существуют категории людей, лишённые этого. Существенный показатель состояния правосознания - положение детей и женщин, наличие у них законных возможностей отстаивать свое достоинство. К сожалению, в России в дореформенный период авторитет закона замещался авторитетом начальства. Согласно общественным нормам, крепостные должны были беспрекословно подчиняться помещикам, чиновник любого ранга - старшему по должности, дети -

---

Попова Анна Дмитриевна - кандидат исторических наук, декан юридического факультета Рязанского филиала Академии управления и права.

родителям и другим старшим членам семья. существующие правовые нормы, так и общественная мораль практически не допускали неповиновения или простого несогласия с барской, начальственной или родительской волей. Это создавало благоприятные условия для произвола и самого настоящего деспотизма. Изучая мемуарную литературу тех лет, можно почувствовать довольно суровую атмосферу 50-х годов XIX века, царившую везде - и в казарме, и в учебных заведениях, и в семье, и в государственных учреждениях.

По словам К. Победоносцева, государственная служба из служб Отечества переросла тогда в службу лично начальнику. В 1859 году он писал в "Голосах из России": "Начальник мог повелевать беспрекословно; а самым способным к начальству, по системе Николая I, считался не тот, кто привык рассуждать, а привык повиноваться слепо и беспрекословно не по закону, не по совести (и закон, и совесть слишком близко касались опасной области идей), а воле начальника" [Победоносцев, 1976, с. 77]. Любые проявления самостоятельности любое несогласие с мнением начальства, даже простое указание на то, что распоряжение противоречит закону, рассматривались как возмущение против властей.

В результате знание законов становилось для российского обывателя делом необязательным и даже нежелательным. Правовая безграмотность способствовала установлению самовласти и произвола, авторитет закона замещался авторитетом внешних атрибутов власти.

Самое нелепое распоряжение должностного лица становилось обязательным для его подчиненных. Не меньшей магической силой, особенно для низших слоев, обладала любая бумага, имевшая печать. Земский деятель П. Дементьев писал: "Я помню, некоторые сельские старосты прикапчивали¹ свои печати к самым возмутительным абсурдам, и никакая сила в мире не могла разубедить целое сельское общество, что это все-таки был абсурд и незаконие" [Дементьев, 1903, с. 630].

Такое отношение к социальным нормам порождало бескрайние возможности для произвола. Особенно бесправно было положение детей и крепостных как стоящих ниже всех в общественной иерархии. Как пишет Е. Водозова, к детям было такое же жестокое отношение, как к крепостным [Водозова, 1964, с. 126]. В мемуарах А. Пеликана нарисована мрачная картина: "Домашняя жизнь, даже там, где она протекала относительно мирно, была тяжела и неприглядна... Дети это чувствовали едва ли не сильнее взрослых... На детях вымещали злобу и срывали досаду родители, старшие братья и сестры, товарищи, воспитатели..." [Пеликан, 1914, с. 141]. Некоторые родители превращали своих детей в маленьких рабов, изводя их непосильной работой и жестоко наказывая. Очень тяжелым было положение учеников ремесленников. Редко кто из них не страдал от непосильной работы, постоянных побоев и крайне скудного содержания: даже в самый суровый мороз можно было встретить на улице мальчика-ученика, едва одетого и чуть ли не босого, бегущего в лавку по приказу хозяина. Мемуаристы говорят о таких картинках городского быта, как о самых привычных и распространенных [Пеликан; Мантейфлей, 1889]. Не в лучшем положении находились дети, отданные из приютов в семьи на воспитание². Обыденность их несчастного положения подчеркивалась в мемуарах И. Кольшко и А. Мантейфлея, была отражена в нашумевшем романе В. Крестовского "Петербургские трущобы". Единственный оставшийся у детей способ заявить протест - поджечь хозяйский дом или пуститься в бег.

¹ "Приканчивать" - данный глагол отражает способ, каким ставили печати в ряде случаев: к зажженной свече подносились печать так, чтобы ее поверхность покрылась копотью, которой и ставился оттиск на бумагу.

² В России использовалась следующая система призрения детей-сирот: ребенка, часто грудного, отдавали в чей-либо дом для воспитания. Принявшим воспитанника выплачивались деньги. Например, в Тверской губернии в 1887 году выделялось 2 рубля в месяц. Никто не контролировал, куда тратились выданные деньги и в каком положении находятся воспитанник, что давало безграничные возможности для произвола [Кольшко, 1887].

Положение женщины в семье также было, бесправным. Законодательство ставило ее в полную зависимость от мужа или родителей, давало последним возможность полностью распоряжаться ею, безнаказанно эксплуатировать и жестоко обращаться. В середине XIX века женщин воспринимали в лучшем случае как нарядную игрушку, в худшем - как рабочую силу. Случаи жестокого обращения с женщинами были так же типичны, как суровое обращение с детьми. Периодическая печать прошлого века и мемуаристы неоднократно писали об этом [Верещагин, 1885; Лудмер, 1885; Бобров, 1885; Назарьев, 1872]. В личном фонде А. Кони сохранилась целая подборка выписок из уголовных дел (вердикты присяжных и обвинительные заключения), возбужденных по факту жестокого обращения с женщинами и детьми. Собранные за сравнительно небольшой срок (конец 1880-х - первая половина 1890-х годов) материалы представляют три объемные папки, содержащие несколько десятков описаний преступлений данного рода. Эти документы поражают своим содержанием: жизнь в кругу родных людей для некоторых детей и женщин была переполнена страданием, болью, страхом и превращалась в ежедневную пытку. Это явление было свойственно разным сословиям: состав обвиняемых крайне пестрый, здесь можно встретить людей самого различного происхождения и состояния.

Интересное наблюдение было сделано Френком. Он пишет, что в 1889 году земские начальники получили право без разрешения мужа выдавать женщинам паспорта для ухода на заработки в город. Получение такого паспорта обеспечивало только относительную свободу: уйдя в город, женщина могла жить отдельно от мужа, но не могла устроить свою личную жизнь, выйти замуж вторично, так как официальный развод оформлялся только церковью. Несмотря на такое ограничение свободы, женщины пользовались ею весьма активно. С 1899 по 1902 год количество паспортов, выдаваемых женщинам, выросло в 11 раз, а к 1903 году - в 25 раз [Frenk, 1996, p. 555].

Особый размах самовластие приобретало в помещичьих имениях. Власть помещика ничем не была ограничена, и он мог чувствовать себя полным хозяином и законодателем. Многие помещики считали, что их требования обязательны для всех, кто ступал на землю, в том числе и для свободных.

В результате помещичья усадьба превращалась в своеобразный закрытый мирок, маленькое государство со своими законами и порядками. Не то что дворовые, но и все домочадцы, а также гости должны были беспрекословно подчиняться воле и желаниям хозяина дома. Помещик Троекуров из повести А. Пушкина "Дубровский", ставший хрестоматийным образом крепостника-самодура, - отнюдь не плод фантазии великого писателя. У этого литературного персонажа существовал реальный прототип - рязанский помещик Измайлов. Он отличался крутым нравом и среди прочих забав любил травить людей медведем. В мемуарах Водовозовой можно встретить аналогичный пример. Она пишет об одном своем родственнике, который, после измены жены впав в женоненавистничество, запрещал всем женщинам без исключения (как крепостным, так и свободным) близко подходить к своему дому. Ослушавшуюся ждала расправа плеткой. Причем подвергнуться ей могла любая женщина: "своя" или "чужая" крепостная, свободная женщина, в том числе и благородного происхождения [Водовозова, с. 201]. Подобный произвол пресекался и наказывался редко, реальной возможности правовым образом осадить самодура практически не существовало. Правовая система дореформенной России давала крайне скудные возможности противостоять произволу, что порождало у одних чувство полной безнаказанности, у других - неверие в возможность найти защитника в лице государства. Это вело ко всеобщему правовому нигилизму.

К тому же государство само предпочитало поддерживать суровость нравов. За подавляющее большинство уголовных преступлений по Уголовному уложению 1845 года как дополнительная кара предусматривалось телесное наказание. В качестве орудия использовались розги, плети, бичи. Наказание кнутом могло сделать человека инвалидом. Телесные наказания широко использовались как дисципли-

нарная и воспитательная мера. Российскую армию первой половины XIX века невозможно представить без палок. О такой мере наказания, как "проводка сквозь строй в гарнизоне" писалось не раз, многократно говорилось, что это было равносильно смертной казни. И это при том, что в России официально более ста лет смертная казнь практически не применялась (кроме 3-4 случаев). Страна этим гордилась. Но это не мешало приговаривать людей к наказаниям, которые отнимали не только здоровье, но и жизнь. Однажды Николаю I принесли рапорт о приговоре двух человек к смерти. Император написал на документе следующую резолюцию: "Винных прогнать сквозь строй 1000 человек 12 раз (т.е. они должны были получить по 12000 ударов шпицрутенами). Слава Богу, смертной казни у нас не бывало, и не мне ее вводить" [Толмачев, 1998, с. 271]. Естественно, оба приговоренных умерли.

Прямым следствием такой уголовной политики было широкое применение телесных наказаний в семье и в школе. Побои считались лучшим способом исправления любых пороков. Суровость и здесь не знала границ: после очередного "воспитательного мероприятия" в духовной семинарии можно было запросто попасть в больницу. Как пишет Е. Толмачев: "Жестокость нравов, поддерживаемая и питаемая телесными наказаниями, в то время была повсюду. Побои и истязания повсеместно и в государстве, и в семье, и в школе признавались как единственное средство для всех преступников" [Толмачев, с. 272]. В результате суровость нравов стала нормой жизни, к ней привыкли и ее не замечали. Французский путешественник маркиз А. де Кюстии, побывавший в России в 1839 году, был поражен, насколько обиденным являлось в русской жизни рукоприкладство. Он пишет, что избить среди бела дня человека на улице не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Автор описывает несколько подобных случаев, свидетелем которых он был лично. "Русский простолудин получает на своем веку не меньше побоев, чем делает поклонов", - заключает он [Кюстин, 1990, с. 178]. В уже упомянутых материалах из архива Кони бросается в глаза одна деталь: в большинстве случаев соседи знали о творимых в какой-либо семье бесчинствах, но в полицию заявляли только тогда, когда крики избиваемого ребенка или женщины начинали им сильно досажать. Суровые нравы и отсутствие возможности найти защиту от произвола серьезно подрывали веру в закон и доверие к органам государственной власти.

Во второй половине XIX века задачи экономического развития потребовали ограничить произвол и защитить интересы всех людей в обществе. Начавшаяся эпоха "Великих реформ" внесла определенный заряд гуманизма в социальные отношения. Некоторые реформаторские шаги были совершены не столько в интересах экономики, сколько из гуманистических побуждений: определен особый порядок исполнения наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей (учреждены исправительные приюты), полностью отменены телесные наказания в учебных заведениях, резко ограничено их применение в качестве дисциплинарных и уголовных санкций.

Гласное судопроизводство, введенное судебной реформой 1864 года, в значительной мере способствовало гуманизации общественных отношений, изменяло отношение к произволу. Открытые публичные судебные заседания вызвали огромный интерес среди всех слоев населения. В залах суда можно было увидеть всех: и дворян, и купцов, и крестьян. В мемуарах этой эпохи часто можно встретить упоминания авторов о посещениях судов как о непременном явлении в жизни обывателей 60-х годов [Егоров, 1913; Козлина, 1913; Найденов, 1905; Голицин, 1917]. У некоторых регулярное посещение судов вошло в привычку. Очевидцы отмечают необычайную атмосферу внимания и сочувствия к новому суду, царившую в зале. В дневнике писателя и сенатора В. Одоевского эта атмосфера описана кратко, но образно: "...публики пропасть, и много *крестьян* (выделено автором дневника. - *А.П.*) и слушают с большим вниманием. Заседания длятся до 7 часов. Настоящая юридическая обедня" [Одоевский, 1935, с. 216]. После судебного заседания публика активно обсуждала

увиденное и услышанное. Как пишет Н. Давыдов, большой интерес вызывал мировой суд, но особо сильное впечатление производила на людей работа суда присяжных: "Приговоры присяжных горячо обсуждались в обществе, вызывая, конечно, различные мнения и страстные споры" [Давыдов, 1914, с. 152].

В провинции интерес к новым судам был особенно высок из-за скудости впечатлений провинциальной жизни. Они на равных конкурировали со зрелищными учреждениями. В Рязани, например, с 1867 по 1871 годы, когда вводилась судебная реформа, был закрыт местный театр. Поэтому при слушании интересного дела недостатка в зрителях не было. Временами большой наплыв публики даже затруднял нормальное функционирование судов: толпа желающих побывать на заседании, столпившись у дверей суда, мешала судьям и другим участникам процесса пройти в зал или так стремительно врывается туда, что страдала мебель. Это стало причиной издания специального циркуляра министра юстиции о порядке допуска публики в зал суда [ЦГИА]. Документ предписывал впускать желающих по особым билетам, которые предварительно выдавались в канцелярии. Не попавшие на слушание могли удовлетворить свое любопытство чтением газет: редкое издание не имело рубрики "Из зала суда", где помещались подробные отчеты о наиболее интересных делах, а министерство юстиции принимало меры, чтобы эти отчеты были как можно более достоверны, оплачивая работу специальных стенографов.

Гласность судопроизводства заставила общество увидеть мерзость некоторых привычных явлений. Порой это происходило неожиданно: на скамье подсудимых оказывались женщины и подростки, совершившие преступление по причине жестокого обращения с ними. Нередко женщины шли на нарушение Паспортного устава, чтобы избавиться от побоев мужа или его родни (например, убежав из дома, проживали по подложным документам). В некоторых случаях дело доходило до убийства³. Как правило, на суде безотрадная картина жизни подсудимого вырисовывалась яркими красками, шокируя присяжных и публику. Неприглядные явления, запрятанные в темных углах, оказывались под всеобщим обозрением. Эту функцию гласного суда подчеркивал журнал "Дело": "Со времени судебной реформы, уголовные процессы сделались новым источником для нашего знакомства с явлениями общественной жизни. Из следственных протоколов, обвинительных актов и адвокатских речей мы в короткое время узнали о многих патологических явлениях общественного организма, которых не замечали прежде" [Дело, 1872, с. 187]. Журнал "Вестник Европы" констатировал: "Мы продолжаем еще открывать себя, как какую-то неведомую Америку" [Вестник Европы, 1879, с. 70].

Обычно итогом такого "просветительного" процесса было вынесение оправдательного вердикта. Под аплодисменты зрителей несчастная женщина или ребенок освобождались из-под стражи. Нередко присяжные и публика принимали участие в их судьбе, жертвуя в их пользу деньги. Случалось, что находились люди, желавшие дать приют оправданному ребенку. Это имело значение для общественного самосознания: не наказывая преступников, суд тем самым признавал ненормальность чинимого над ними произвола. Это поднимало авторитет новых судов в глазах общества. Еще больше способствовало росту этого авторитета то обстоятельство, что именно пореформенные суды смогли пробить брешь в ощущении полной безнаказанности некоторых лиц. Именно они показали, что жестокость я произвол могут и должны быть наказаны. Сам факт существования у Кони коллекции выписок из уголовных дел о жестоком обращении демонстрирует, что новые суды стали противодействовать таким явлениям. Обвинительные вердикты выносились как в адрес дворян, так и крестьян. Некоторые мировые судьи активно участвовали в этой борьбе. Мировой судья Московской губернии Мантейфлей в своих мемуарах подробно рассказывал о своей борьбе с подобными "народными обычаями".

³ Судебный деятель Н. Тимофеев описывал случай, когда женщина умышленно совершила преступление, чтобы быть отправленной в Сибирь, подальше от мужа-изверга [Тимофеев, 1882].

Однажды он приговорил сапожника за избивание ученика к 5 суткам ареста. Как пишет судья, это произвело сильное впечатление на общество: "Острастка арестом возымела некоторое успокоительное действие на других хозяев, любивших пускать в ход кулаки и ремень" [Мантейфлей, с. 586]. В некоторых случаях (правда, очень редких) хватало одного только авторитета мирового судьи. Автор мемуаров описывает, как "разъяснительная работа" с портным помогла тому в корне изменить свое отношение к ученику.

Таким образом, деятельность новых судов ослабляла эйфорию безнаказанности, увеличивала степень уважения к законам, способствовала росту доверия к судебной власти. Воспоминания Мантейфлея хорошо иллюстрируют эту динамику. В одном случае все жители околотка знали, что их сосед Рысин регулярно избивает своего воспитанника, мальчика-сироту. Ребенка жалели, но никто не думал за него вступиться. Мальчику советовали "потерпеть, пока вырастет", т.е. произвол воспитателя воспринимался, как неизбежное и непресекаемое зло. В другом эпизоде соседи сами посоветовали избитому ученику пожаловаться мировому судье [там же]. Таким образом, в обыденном правосознании стало складываться представление о суде как об органе, охраняющем права и интересы людей. В некоторых случаях это осознавали даже дети. Они начали подавать иски на противоправные поступки хозяев и опекунов. Произвол Рысина был все-таки пресечен в результате действий самого воспитанника: он подал иск судье, и тот принял соответствующие меры. "Хотя это дело окончилось мировою сделкою, но тем не менее оказало хорошее действие на других крестьян, имевших у себя сирот-питомцев" [Мантейфлей, с. 593].

Новые суды, как и другие нововведения, принесенные эпохой Великих реформ, кардинально меняли жизнь российских подданных. Разрушался привычный мир первой половины XIX века с его патриархальными традициями и обычаями. Переживал крах уклад жизни помещичьей усадьбы, и дело было не только в экономических преобразованиях. Менялась психология общественных отношений. Помещик переставал ощущать себя центральной фигурой в своем имении. Раньше крестьяне полностью зависели от него: барин определял их повинности, судил и наказывал своих крепостных, мог при желании "облагоденствовать" их, построив больницу или школу. В любом случае он слышал: "спасибо, кормилец". Теперь жизнь крестьянина зависела от барина гораздо меньше. Школы и больницы строили земства, правосудие над крестьянами осуществляли волостные суды, мировые судьи или общие суды. И сам крестьянин стал намного свободнее: он участвовал в работе земства, при случае мог подать в суд на бывшего барина.

Многие помещики с трудом переносили крушение старого мира. Неслучайно земства и суды порою вызывали у них крайне отрицательную реакцию. Земский врач Скопинского уезда Рязанской губернии С. Елпатовский писал об одном таком помещике: "По-видимому, он игнорировал, не хотел признавать ничего из того, что вошло в жизнь с 60-х годов. Он приказывал выбирать в гласные только старшину, не терпел, чтобы *его крестьяне* (выделено автором мемуаров. - *А.П.*) ходили судиться к мировому, и очень доволен был, когда по-старому крестьяне приносили ему свои жалобы, приходили разбираться в своих делах" [Елпатовский, 1984, с. 47]. Он даже не разрешал крестьянам обращаться к земскому врачу! Вполне справедливо этот человек воспринимал земства и мировой суд как разрушителей привычного миро порядка.

К сожалению, нельзя не заметить некоторое противоречие в деятельности пореформенных судов. После вынесения оправдательных вердиктов в случаях, если преступление было спровоцировано жестоким обращением, логично было ожидать принятия мер со стороны органов судебной власти к наказанию подлинных виновников, тех, кто довел человека до скамьи подсудимых. Однако этого не происходило. В 1867 году в Тульском окружном суде слушалось дело о дочери помещика О. Улецкой. Девочка несколько раз пыталась сжечь хозяйственные постройки, причиной было жестокое обращение с ней родителей. Присяжные ее оправдали. Суд обвинил родителей

в вовлечения дочери в преступление. Исходя из того, что за это ответственность не предусмотрена, определили родителей не наказывать, а только подвергнуть особому внушению от духовного начальства за неприведение ребенка к исповеди [Дело, 1867, с. 99].

Видимо, практика возбуждения уголовного преследования по инициативе окружных судов не сложилась. Такая мера, как лишение родительских прав, вообще не существовала в то время. Сами потерпевшие от произвола, особенно дети, не всегда обращались в судебные органы. Им было крайне тяжело доказать свою правоту. Полиция, в обязанности которой входило раскрывать и пресекать подобные факты, бездействовала. К тому же возможности ряда судебных инстанций были ограничены. Ближе всех к народу стояли мировые судьи, именно к ним в первую очередь обращались пострадавшие от произвола. Однако многие подобные дела им были неподсудны, и они направляли заявителей к следователю или в волостные суды. В последнее дело поступало в том случае, если произвол выразился не в физическом насилии, а, например, в несправедливом разделе имущества. В крестьянских больших семьях глава семейства порой выгонял взрослого сына с семьей, ни дав им ничего. Пореформенные суды оказывались здесь бессильны.

В отзывах о ходе судебной реформы мировые судьи неоднократно говорили, что их юрисдикция требует расширения. Например, председатель съезда судей Калужского уезда писал: "Довольно часто повторяются жалобы крестьянок на жестокое обращение мужей. В этих случаях, когда достоверность факта представляется несомненною, при виде окровавленных, истерзанных женщин, положение судьи является крайне тяжелым, и неловким. Конечно, потерпевшей жене бывает объяснено, что она имеет право обратиться с жалобой к общим судебным местам, но такое обращение мало может доставить ей удовлетворения" [РГИА, ф. 1405, оп. 68, д. 2001, л. 26]. Материальная зависимость от мужа мешала женщинам обращаться к судебному следователю.

Пресечь произвол должностного лица было еще труднее: существовал особый порядок возбуждения уголовного преследования за должностные преступления, к которым и относится превышение власти. Провинившийся чиновник мог быть отдан под суд только после соответствующего решения начальства. К тому же с судебной реформой резко сузились функции прокуратуры в плане осуществления общего надзора, т.е. проверки законности распоряжений должностных лиц. Это изменение было введено по инициативе министра юстиции Д. Замятина. Возможно, его основным мотивом являлось желание разгрузить сотрудников прокуратуры, так как во многих случаях проверка законности деятельности должностных лиц превращалась в формальность. Многие начальствующие лица не считали нужным обращать внимание на замечания работников прокурорского надзора, а те не имели реальной возможности добиться отмены противозаконного распоряжения. Как пишет В. Берви-Флеровский, губернского прокурора, который посмел сделать замечание губернатору, переведи служить в Вятку, что было равносильно ссылке.

Впоследствии Кони резко критиковал такое сужение функций прокуратуры. С его мнением можно согласиться: общий прокурорский надзор необходим. При проведении реформы наверное следовало бы, наряду с прокурорским надзором в судах, сохранить и губернских прокуроров для общего надзора. Ведь самовластие чиновников еще оставалось очень распространенным явлением. Власть во второй половине XIX века только начинала становиться на твердую почву закона, и в некоторых случаях сама инициировала нарушение правовых норм. Например, борясь с политическими преступлениями, государство вообще забывало о принципах Судебных уставов, подавая пример несоблюдения законов. В. Голицин, вспоминая о своих студенческих годах, проведенных в 60-е годы XIX века в стенах Московского университета, писал, что нередко можно было услышать в студенческой среде, что у кого-то был обыск или кого-то выслали из Москвы. "И все это совершалось без всякого участия как новой судебной власти так и университетского начальства..." [Голицин, с. 203].

Наличие у судебной власти возможности пресечь не только произвол знатных в богатых, но и самовластие, творимое должностным лицом, является наивысшим проявлением независимости и беспристрастности судебной власти. Такое положение серьезно влияет на обыденное правосознание: без него невозможно развитие демократии и гражданского общества. Демократия предполагает сосуществование различных политических и общественных партий и организаций. Они соперничают на политической арене, их интересы сталкиваются. Демократия, как и независимая судебная власть, не появляется мгновенно. Скорость ее формирования во многом зависит от степени независимости судебной власти. Только сильная судебная власть может проконтролировать и обеспечить действительное равноправие всех организаций в партий, так как является беспристрастным арбитром, контролирующим соблюдение интересов каждой. Если судебная власть не будет иметь возможности пресекать злоупотребления должностных лиц, то партия, стоящая у власти, сможет беспрепятственно ущемлять права своих соперников. Поэтому сейчас задача проведения судебной реформы является наиважнейшей, именно от становления независимой судебной власти зависит развитие демократии в нашем обществе.

Когда судебная власть имеет возможность пресекать факты превышения власти чиновниками, она становится настоящим гарантом соблюдения прав и свобод граждан. Человек в государстве должен быть не просто защищен от произвола другого человека, его надо защитить от произвола государственного органа или чиновника, пусть даже самого высокого ранга. В противном случае невозможно выработать уважение к закону, государству, власти, добиться от человека правомерного поведения. Если суд не становится эффективным способом защиты от произвола государства, то это содействует крушению авторитета власти, росту оппозиционного движения в самых резких формах, в том числе и революционных.

Хорошо известен случай из практики судебной системы России второй половины XIX века: в 1878 году присяжными Петербургского окружного суда была оправдана В. Засулич, стрелявшая в градоначальника Ф. Трепова. Данный эпизод уже многократно использовался в научной и публицистической литературе. В советские годы он служил дежурным примером прогрессивности суда присяжных (еще бы, он оправдал революционерку). В современные дни его стали использовать противники введения суда присяжных (смотрите: присяжные оправдывают убийц). Однако причины этого оправдательного вердикта досконально не анализировались. Действительно, почему при большом количестве улик, сознании подсудимой и при всей жестокости ее поступка последовал вердикт "Не виновна"? Присяжные сочувствовали революционному движению? Среди тех, кто занимался изучением суда присяжных, отмечалось, что, как правило, российские присяжные были не склонны одобрять противодействие властям. Для выявления причин вердикта следует еще раз обратиться к обстоятельствам дела.

13 июля 1877 года в Петербургской тюрьме по приказанию градоначальника Трепова был подвергнут телесному наказанию студент А. Боголюбов. Повод для такого распоряжения оказался явно надуманным: Боголюбов не снял шапки перед Треповым. Однако этот эпизод не исчерпывает всех обстоятельств дела. После исполнения наказания арестанты потребовали прибытия прокурора. Товарищ прокурора Петербургского окружного суда Платонов в течение 5 дней ходил по камерам и собирал жалобы. Выяснилось, что беззаконие и превышение власти было в тюрьме обычным делом. Арестантов избивали, помещали без достаточных оснований в карцер с ужасными условиями - настолько ужасными, что товарищу прокурора, только осматривавшему карцер (!), стало плохо. По факту превышения власти было начато следствие, но оно ничем не закончилось [Звягинцев, Орлов, 1996, с. 121].

Произвол остался ненаказанным. Тогда-то, 24 января 1878 года и прогремел выстрел Засулич. На суде адвокату П. Александрову удалось ярко показать жизнь этой молодой женщины: она хорошо понимала, что такое произвол чиновников, так как страдала от него сама. Засулич арестовывалась без достаточных на то оснований, затем была сослана. И самое главное, адвокату удалось нарисовать яркую картину бури про-

теста против произвола, которая поднялась в душе подсудимой, когда она узнала о случае с Боголюбовым. И этот протест был понятен многим присутствующим в зале суда, в том числе и присяжным. Кому из них не приходилось сталкиваться с произволом и негодовать от бессилия перед самодурством какого-либо чиновника! Поэтому Засулич и оправдали. Конечно, покушение на убийство - весьма нецивилизованный способ выражения протеста. Однако в цивилизованном обществе нет нужды прибегать к нему, достаточно подать заявление в суд. Если судебная власть не имеет достаточной силы пресечь произвол должностного лица, то в обществе нарастают экстремистские тенденции. В России это содействовало росту революционной борьбы, политический террор был реакцией на произвол властей, результатом низкого уровня законности в обществе. Выстрел Засулич - порождение ситуации, при которой в дореволюционной России правовой порядок не мог противодействовать произволу должностных лиц. К сожалению, и сегодня суды пока еще не стали настоящими защитниками прав и свобод граждан, обращение в суд нередко бывает малоэффективно, а реально восстановить нарушенные права и свободы удается способами весьма нетрадиционными и непривычными для правового общества, например обращением в газету, забастовкой, голодовкой. В наши дни бессилие перед произволом если и не поведет к применению экстремистских методов по защите своих законных прав и интересов, то рост правового нигилизма, падение авторитета государства последуют обязательно.

Таким образом, независимость судебной власти во второй половине XIX века только формировалась. Суд мог решать дела, невзирая на происхождение человека, на его состояние, мог поддержать иск бедного и незнатного против богатого и знатного. Однако пресечь нарушения, исходившие от самой власти, было труднее. Первопричина этого - нежелание правящих кругов принять демократический путь развития общества и, как следствие, - ограничение полномочий судов, замедление процесса формирования гражданского правосознания.

Неспособность пресечь произвол в совокупности с невысокой раскрываемостью преступлений мешали изжить еще один серьезный дефект обыденного правосознания, который выражался в стремлении обывателей покарать обвиняемых в преступлении по своему усмотрению. Положение дел в дореформенных судах стало причиной того, что в обыденном сознании отсутствовало представление о принципе презумпции невиновности, о том, что каждая вина должна быть доказана, о том, что налагать наказание за уголовное преступление может только государство в лице компетентных органов. Прямым отображением этого дефекта обыденного правосознания были факты самосуда в крестьянской среде. Американский ученый Френк, глубоко исследовавший такое явление дореволюционной деревни, как самосуд, показывает, что для крестьян наказание нарушителя "своими силами", без обращения к должностным лицам, было делом очень типичным и привычным [Frenk, 1990].

Чаще всего самосуд был направлен против подозреваемого в поджоге или конокрадстве. Поджог наносил непоправимый урон крестьянскому хозяйству, потеря лошади означала полное разорение. Поэтому, когда случался пожар или пропадала лошадь, крестьянский сход действовал весьма жестоко. Подозрение могло пасть на кого угодно, поводом становились порою факты совсем незначительные: неприязненные отношения с соседями, мелкие проступки в прошлом. На таких незначительных фактах подчас обосновывался приговор сельского схода: выселить в Сибирь. Например, в дневнике сельского учителя из Рязанской губернии описан случай, когда крестьянина приговорили к исключению из общества, так как сгорел дом церковного старосты, с которым крестьянин находился в конфликте. Неприязненных отношений было вполне достаточно для признания вины [ГАРО, с. 91]. Бывший волостной писарь Н. Астырев описывает аналогичный случай. В одной из деревень Воронежской губернии у крестьянина украли лошадь. Сход решил, что в этом виновны три односельчанина. Доказательств никаких не было. Единственный и главный аргумент: "больше некому". Подозреваемые отличались не совсем благонаправленным поведением: два-три раза были замечены в мелких кражах, попивали. Для человека, обладающего даже неболь-

шими юридическими знаниями, ясно, что этого недостаточно для признания их виновными в краже лошади. И все же сход постановил выселить этих крестьян из села.

Еще более резкие формы приобретал самосуд, если удавалось поймать с поличным вора или поджигателя. Здесь могла последовать самая жестокая и необузданная расправа. Следователь из Владимирской губернии рассказывал, что к нему доставили для допроса двух воров, оба были взяты с поличным. Во время допроса один из воров Потерял сознание и затем умер в больнице. Вскрытие показало наличие множественных переломов и ушибов: вор был избит и избит ужасно, он умер от внутреннего кровотечения [Уголовная... 1913]. При этом крестьяне были уверены, что действуют правильно: «Сколько там воров перебили самосудом, в полной и совершенной искренней уверенности, что так и должно, так и нужно, так и следует быть: "воров, говорят, бывало - следует бить, так и в законе писано"», - замечал этот следователь [Уголовная... с. 70].

Случаи самосуда в народной среде свидетельствуют о недостаточно-высоком доверии к государственной власти как к силе, способной пресекать преступления. Френк отмечал, что самосуд больше распространен там, где роль государственных органов в жизни крестьян меньше, зато большую роль играли органы крестьянского самоуправления [Frenk, 1990, p. 134]. Дореформенная правоохранительная система оказалась неспособна обеспечить защиту имущества каждого человека. Пореформенная судебная система гораздо более эффективно боролась с преступностью, однако и она еще не гарантировала достаточной защиты. Надлежало же только улучшить раскрываемость преступлений, но и привить людям представление о презумпции невиновности, внушить, что только суд на основании веских доказательств может признать человека виновным и приговорить к уголовному наказанию.

Изменение отношения к закону происходило еще в одном аспекте — зарождалось представление о равенстве всех перед законом независимо от сословной принадлежности. Во второй половине XIX века в России происходит очень важный процесс — постепенное стирание сословных различий. Мероприятия многих реформ (земской, военной, школьной) ускоряли этот процесс. Это было потребностью экономического развития и создавало предпосылки для формирования гражданского общества. Судебная реформа 1864 года в немалой степени способствовала развитию бессословного общественного сознания, зарождению представления о том, что закон един для всех. Новые суды и правила судопроизводства были общими для всех сословий. При определении на должность в пореформенный суд, как и при формировании коллегии присяжных, сословная принадлежность роли не играла.

Процесс слияния сословий не был абсолютно безболезненным для общества, и в работе пореформенных судов это хорошо видно. Прежде всего, некоторые представители дворянства сочли идею всесословного судопроизводства крайне обидной для себя. Еще до введения реформы в действие в министерство юстиции было направлено прошение от группы дворян о том, чтобы дела о лицах дворянского звания рассматривались только представителями этого сословия. В процессе работы новых судов дворяне нередко проявляли недовольство тем, что их ставят на "одну доску с мужиками", не высказывают обычного преклонения. Это возмущало многих людей, даже не принадлежавших к дворянскому сословию (купцов, представителей духовенства). Иногда поводом становились чисто внешние детали, например одинаково вежливое обращение в суде с крестьянином и его бывшим хозяином. Одоевский описывал реакцию группы сенаторов на слова председателя суда, обращенные к именитому чиновнику: "Г-н Альфонский, извольте встать!". Сенаторы это осудили: "Кн. Петр Николаевич Трубецкой и другие находят, что это глупо, потому что Альфонский тайный советник и в двух звездах" [Одоевский, 1935, с. 217].

Бывало, что решение суда, справедливое по сути, но вынесенное не с сословной точки зрения, приводило к серьезным эксцессам. Так, например, 6 мая 1868 года один московский титулярный советник, разозленный тем, что решение было вынесено не в его пользу, а в пользу мещанина, дважды ударил мирового судью и заявил при этом:

"Ты выбран мещанами, сапожниками, а дворянина судить не можешь" [Рязанские... 1868]. За это деяние он был приговорен к лишению свободы на 8 месяцев. Аналогичный случай имел место в Калужской губернии (правда, там обошлось без рукоприкладства), субъектом правонарушения на этот раз выступал священник [Дело, 1864, с. 235]. В Петербурге много Шума наделала "история о двух стульях": один чиновник счел себя сильно оскорбленным и потом долго жаловался, когда мировой судья предложил сесть не только ему, но и его сопернику в суде - простому ремесленнику.

Крестьянство тоже воспринимало разрушение сословных рамок неоднозначно. Вековая традиция отделять себя от "благородных" была очень крепка и мешала крестьянину осознать возможность равноправных отношений с представителями других сословий. Страх перед наказанием за непочтительное поведение сочетался у него с убеждением в необходимости сохранять дистанцию между мужиком и баринном. Это особенно проявлялось в работе суда присяжных. Коллегия присяжных часто объединяла представителей различных слоев населения. Н. Тимофеев писал, что "сословная наша рознь, воспитавшая нас в своих принципах в течение целых столетий, не утратила своего значения в среде нашего общества по настоящее время, а, напротив, целиком перешла и на почву присяжных" [Тимофеев, с. 289]. Эта "рознь" проявлялась во многом: и в невежливом обращении некоторых судебных чинов с присяжными-крестьянами, и в стремлении представителей привилегированных слоев избираться старшиной, и даже в попытках навязать простолюдинам свое мнение при вынесении вердиктов. При этом крестьяне нередко считали вполне естественным проголосовать за мнение "благородного". Автор приводит несколько примеров, когда мнение одного присяжного воспринималось всей коллегией, так как этот присяжный был "из господ", а остальные - крестьяне. Большое влияние старшины замечал и председатель Тульского окружного суда [РГИА, оп. 66, д. 3045, л. 238 об.].

Равноправие в судах первоначально могло скорее насторожить простых людей, чем обрадовать. Парадоксально, но всесословность внедрялась в первую очередь представителями не того сословия, которое в наибольшей степени было в ней заинтересовано, а, наоборот, представителями привилегированных сословий - либерально настроенными дворянами или разночинцами. Всесословность утверждалась теми мировыми судьями, которые одинаково обращались и с крестьянами, и с дворянами. Она утверждалась теми председательствующими, которые с уважением относились к присяжным-крестьянам и не делали различия между участниками процесса. Она утверждалась теми присяжными благородного происхождения, которые не считали зазорным подать руку присяжному-крестьянину и выслушать его мнение. Судебная реформа создала условия для таких порывов, а суды (как и земства) стали местом, где принцип равенства всех перед законом воплощался не на словах, а на деле. По словам Тимофеева, он наблюдал результаты этого процесса. Он пишет, что со временем крестьяне учились отстаивать свое мнение, и приводит конкретные примеры. Так деятельность новых судов содействовала стиранию сословных границ.

Таким образом, проведение судебной реформы 1864 года имело огромное влияние на развитие общественных отношений. Гласное судопроизводство способствовало преобразованию обыденного правосознания из патриархального в гражданское. Гражданское правосознание не может сформироваться, если население безграмотно в правовом отношении. Уважение к закону невозможно без его знания. В крепостнической России уровень знания законов был невысок. Существовавшие в народе юридические представления порой серьезно контрастировали с важнейшими юридическими принципами, признаваемыми в каждом цивилизованном обществе, создавая базу для самого разнузданного произвола. Проведение судебной реформы 1864 года, введение гласного суда способствовало правовому просвещению всех слоев населения, внедрению в общественное сознание представления о равенстве всех перед законом независимо от сословной принадлежности, положения на службе, в семье. Реформа содействовала гуманизации общественных отношений, заставляла общество видеть и осуждать произвол, ставший нормой жизни.

Нельзя сказать, что данный процесс протекал быстро и легко. Старые традиции отмирали медленно, особенно тяжело внедрялось представление о необходимости подчиняться закону и суду представителями самих государственных органов. Суд не стал надежным гарантом защиты от произвола государственных чиновников, однако именно судебная реформа положила начало процессу кардинальных изменений в общественном сознании. Исторический опыт проведения судебной реформы 1864 года наглядно демонстрирует значение для общества становления независимого суда, его роль в процессе создания гражданского общества. Тем самым подчеркивается значение современной судебной реформы, необходимость ее скорейшего проведения. Без независимой судебной системы демократия и правовое государство останутся несбыточной мечтой в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров Д.* По поводу бабьих стонов //Юридический вестник. 1885. № 10.
Верецагин. О бабьих столах // Юридический вестник. 1885. № 4.
Вестник Европы. 1879. № 10.
Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформы в России. Саратов, 1969.
Водозовова Е.Н. На заре жизни. М., 1964. Т. 1.
Государственный архив Рязанской области. Ф. 865. Оп. 1. Д. 655.
Голицын В.М. Московский университет в 60-е годы // Голос минувшего. 1917. № 11, 12.
Давыдов Н.В. Из прошлого. М., 1914.
Дело. 1868. №4.
Дело. 1867. №10.
Дело. 1872. №9.
Дементьев П.А. Воспоминания старого земца //Вестник Европы. 1903. Кн. 9, 10.
Егоров А. Страницы прожитого. Одесса, 1913.
Елотовский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Уфа, 1984.
Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX - начало XX века. М., 1996.
Козлина Е.И. За полвека. 1862-1912. М., 1913.
Кольшка И.И. Очерки современной России. СПб., 1887.
Кюстин А. де. Николаевская Россия. М., 1990.
Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России. Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
Лудмер А. Бабьи дела на мировом суде //Юридический вестник. 1885.
Ляшенко Л.М. Царь-освободитель. Жизнь и деяния Александра II. М., 1994.
Мантейфлей А. Детское горе (из воспоминаний мирового судьи) // Юридический вестник 1889. № 12.
Назарьев В.Н. Современная глушь // Вестник Европы. 1872. №2.
Найденев Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1905. Т. 2.
Одоевский В.Ф. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник // Литературно наследие. 1935. №22/24.
Пеликан А.А. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2.
Победоносцев К.П. Граф В.Н. Панин // Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1976. Вып. 3. Кн. 7.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405.
Рязанские губернские новости. 1868. № 95.
Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. М., 1882.
Толмачев Е.И. Александр II и его время. М., 1998. Т. 1.
Уголовная бль. По рассказам и воспоминаниям уездных следователей. Ковров, 1913.
Центральный Государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИА г. Москвы). Ф. 131 Оп. 20. Д. 367.
Frenk S.P. Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry. 1870-1900 The World of the Russian Peasant Post-Emancipation Culture and Society / Ed. by F. Eklof, S.P. Frenk Boston, 1990.
Frenk S.P. Narratives within Numbers Women, Crime and Judicial Statistics in Imperial Russia 1834-1913 //The Russian Review. 1996. October.
Saunders D. Russia in the Age of the Reaction and Reform. 1801-1881. London-New York, 1990.
Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976.